

сованности и скоординированности усилий всех участников образовательного-воспитательного процесса. Принцип адресного подхода в духовно-нравственном воспитании предполагает использовать особые формы и методы работы с учетом специфики положения и опыта каждой группы участников образовательно-воспитательного процесса.

Таким образом, цель воспитания Гражданина, Патриота, всесторонне совершенной Личности может быть достигнута через приобщение учащихся к наследию традиционной культуры народа, через развитие духовно-нравственного потенциала каждой Личности, через становление у них гражданских позиций по отношению к своей Родине (в том числе и малой), к окружающей природе, другим людям и к себе. Осуществление этих задач вызывает необходимость изучения и обобщения историко-культурных традиций воспитания и, прежде всего, традиций, действующих в сфере морали и нравственности, что предполагает знание истории и культуры своего народа.

СОЗДАНИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ В ЕПАРХИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ОЦЕНКЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Козлов Константин Викторович

Белгородский государственный университет

В статье рассматривается процесс создания церковно-приходских школ в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX вв. и связанные с ним материальные и организационные сложности. Одним из факторов, определявших эффективность деятельности церковных школ, являлось отношение к идее их создания приходского духовенства, которому приходилось воплощать ее в жизнь. Позиция духовенства по отношению к созданию школ рассматривается в контексте объективных обстоятельств и субъективных предпочтений клириков.

Церковно-приходские школы, духовенство, епархия, катехизация, Епархиальный училищный совет, приход.

The author analyses process of the parish schools formation in eparchies of the Central Chernozemye in late XIX – early XX cent. and also material and organizational difficulties resulted from it. One of the factors that determined the efficiency of the parish schools` activity was the clergy`s attitude to it, as it was they who had to bring the reform to life. The clergy`s attitude towards the schools` formation is examined in the context of the objective conditions and subjective preferences of the clergy.

Key words: parish schools, clergy, eparchy, catechisation, Eparchial school council.

В 1884 г. в России началось создание церковно-приходских школ – начальных учебных заведений, в которых осуществлялась конфессиональная и общеобразовательная подготовка. В ходе реализации «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. одной из главных проблем, с которой столкнулось духовенство, была финансовая необеспеченность создаваемых учебных заведений, так как государственная субсидия была явно недостаточна. Указом Воронежской духовной консистории от 13 октября 1884 г. духовенству епархии было предписано определить на благочиннических съездах приходы, в которых, в первую очередь, необходимо открывать церковно-приходские школы, а главное, имеющиеся местные средства. На состоявшихся съездах, было предложено задействовать, правда, в разной степени, средства церковей, земства и казны (1).

В Орловской епархии в 1884 г. Епархиальным училищным советом для сбора информации о возможности открытия в их приходе школы священникам был разослан формуляр, согласно которому предлагалось узнать «готовность прихожан оказать материальное пособие к открытию школы в той или иной форме, возможность частных пожертвований со стороны состоятельных прихожан, субсидий из церковных сумм и т. п.» (2).

Состоявшемуся в 1890 г. Бобровскому уездному съезду по вопросу о материальном улучшении церковно-приходских школ был предложен для обсуждения ряд мер, выработанных Бобровским уездным отделением Воронежского епархиального училищного совета. В числе прочего предлагалось: 1) производить отчисления от церковей пропорционально количеству прихожан (по $\frac{1}{2}$ копейки с каждой приходской души); 2) штрафовать дьяконов и священников, не преподающих в церковных школах; 3) обязать причты церковей делать выплаты на школы, если количество церковной земли превышает 33 десятины; 4) установить в церквях кружку для сбора пожертвований на школы; 5) ввести плату за обучение – 10 копеек с человека в год; 6) учредить общество ревнителей религиозно-нравственного воспитания детей; 7) организовать сбор пожертвования через членов отделения, уездных наблюдателей, благочинных, всех священников по подписным листам; 8) в каждом благочинии ввести должность попечителя церковно-приходских школ; 9) обязать церковных старост обустроить церковные караулки для школы. Съездом были отклонены только предложения о штрафах священников и введении оплаты за обучение (3).

В том же году уездным определением Курского епархиального училищного совета было предложено освоить следующие местные источники финансирования школ: 1) перечислять в уездные отделения земские сборы на народное образование из тех приходов, где имеются школы; 2) отнести сборы по приговорам сельских обществ на содержание церковно-приходских школ к числу обязательных, наряду с волостными и земскими (4).

Как видно из вышеприведенных примеров, меры, предлагавшиеся для изыскания местных источников финансирования, требовали, прежде всего, достаточно высокой активности приходского духовенства. Изучение мотивов подобной деятельности духовенства в настоящее время может

быть отнесено к числу недостаточно разработанных в отечественной исторической науке проблем. На основе реконструкции обстоятельств, связанных с созданием церковно-приходских школ, автором предпринимается попытка выявления мотивов духовенства, определявших их деятельность по созданию церковных школ.

Основаниями такой деятельности священнослужителей, на наш взгляд, являлись не только указы Синода и распоряжения епархиального архиерея, но и признание ими необходимости наличия школы в приходе. Значение церковно-приходской школы для пастырской деятельности священника было достаточно подробно разработано в церковной литературе. Прежде всего, церковная школа рассматривалась как учебное заведение, где священник осуществлял систематичное обучение детей основам православного вероучения («оглашения»). Кроме этого, работа с детьми позволяла священнику проводить своеобразный мониторинг религиозных взглядов их родителей и, в целом, всех взрослых прихожан. И учащиеся церковно-приходских школ неизбежно должны были оказывать благотворное влияние на свою семью (5). Эти мысли прямо выражены, например, в архипастырском послании к духовенству архиепископа Воронежского Анастасия (Добрадина) в 1911 г., где указывалось, что оно «особенно должно пеших в настоящее время об огласительных церковных школах, дабы не упустить из своих рук влияние на своих прихожан» (6).

Миссионерское значение учебно-воспитательной деятельности церковно-приходской школы усматривалось современниками в том, что обучение детей раскольников и сектантов способствует ослаблению фанатизма среди молодежи и сближению их родителей с Православной церковью (7). Организация церковно-приходских школ в селах, где проживали раскольники или сектанты, признавалась епархиальными властями приоритетной. Так, например, на заседании Воронежского епархиального училищного совета 19 июня 1886 г. рассматривалось прошение священника А. Григорьева из х. Могнна Валууйского уезда о выдачи, открытой им 1 декабря 1885 г. церковно-приходской школе, учебников и учебных пособий. И в прошении он подчеркивал, что «видит особенную надобность в усилении своей школы против влияния раскольников, живущих в двух верстах в д. Дегтярной в количестве 600 душ мужского пола» (8). А наблюдатель церковных школ в части Землянського уезда Воронежской епархии священник В. Раевский отвечал 12 марта 1894 г. на отношение уездного отделения от 10 декабря 1894 г., что «в районе, вверенном моему наблюдению, не имеется раскольников, а равно и мест, зараженных расколом, где экстренно необходимы были бы церковно-приходские школы» (9).

Положительные результаты учебно-воспитательной деятельности церковно-приходских школ в плане катехизации, констатировавшиеся на всем протяжении их существования, являлись наглядным подтверждением для духовенства необходимости создания в приходах школ.

Так, епархиальный наблюдатель церковных школ Курской епархии И. Каплинский в письме к В.И.Шемякину от 24 октября 1905 г. благотворное

влияние церковно-приходских школ на население видел в следующем: « а) крестьяне не дают приговоров на устройство земских школ, выражая довольство существующими церковно-приходскими школами; б) дети, окончившие церковно-приходские школы, чем неучившиеся, чаще и усердней посещают богослужения в праздничные и воскресные дни, поют и читают на клиросе; в) избегают участия в уличных собраниях и играх, устраиваемых в праздники, идут в школу и берут книги для чтения; г) в семье учеников проникает слово Божие; е) дает русскому народу грамотность» (10).

Речь, в данных случаях, разумеется, не может идти о массовых явлениях, наблюдаемых среди крестьянских детей. «Церковные школы, – как указывал бывший сельский священник С. в письме «Нравственные недуги простого народа и восстановление прихода, как средство к их уврачеванию» к епископу Орловскому Серафиму (Чичагову) (1906 – 1908), – скорее могли помочь народу выйти из религиозного заблуждения, дать ему правильное понятие о Боге и вообще сообщить отвлеченные религиозно-нравственные истины, а заставить народ жить по-христиански они не могли» (11). Несмотря на некоторое расхождение в двух приведенных оценках, общим для них является признание того, что ученики церковно-приходских школ знали основы православного вероучения. И церковное образование являлось ведущей составляющей интериоризации детьми православных ценностей.

Поэтому, как указывает тамбовский уездный наблюдатель Д. Бого-явленский в письме к В.И.Шемякину от 10 октября 1899 г.: «духовенство, видимо, вполне прониклось сознанием долга школьного обучения своих пасомых и в большинстве (в лучших членах своих) с любовью отдает свои силы школе» (12). В отчете помощника наблюдателя церковных школ В.Т.Георгиевского от 12 февраля 1911 г., составленном им по итогам ревизии церковных школ Курской епархии в ноябре 1911 г., особо подчеркивалось, что «уклоняющихся от исполнения этих обязанностей [создание школ – К.К.] в Курской епархии лишь небольшое меньшинство», и далее «духовенство г. Белгорода, также как и Курска, внимательно относится к своим обязанностям по обучению детей в духе религиозно-нравственном и, благодаря его стараниям при всех приходских церквях открыты церковные школы, многолюдные и почти все благоустроенные» (13). Примером подобного является прошение священника села Гремячий Колодезь В. Равевского в Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного совета об открытии школы грамоты на хуторе Удобный: «Пастырское воздействие при посещениях домов и при требах представляется недостаточным, потому что оно естественно простирается на не многих; внебогослужебные беседы ими [прихожанам – К.К.] не посещаются, и заведение их в хуторе не только затруднительно, но почти невозможно, да и речь литературную, обыкновенную для нас, они понимают недостаточно. Кажется, единственное средство хоть несколько просветить их – это школа. Сознание необходимости школы явилось у меня давно. Но до сей поры не было средств к открытию ея» (14).

Наиболее распространенным является мнение о том, что духовенство открывало школы исключительно вследствие административного принуждения. Епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской епархии П.В. Никольский разделил священнослужителей по их отношению к церковной школе на тех, для которых «это любимое детище» и тех, для кого «это тяжелая обуза, взваленная начальством». Существование последней категории он объясняет тем, что «государственный закон, обязывающий священника иметь в приходе школу, понят духовенством не как общественный и даже пастырский долг, а как мертвое предписание власть имущих лиц» (15).

Безо всякого сомнения следует признать существование прямой зависимости между церковно-школьной деятельностью духовенства и позицией епархиального архиерея по этому вопросу. Так, например, в Орловской епархии инициатива организации церковных школ всецело принадлежала епископу Симеону (Линькову). И «личную энергию» этого архипастыря называют главным фактором «в первоначальном создании церковной школы» (16).

А тамбовский епархиальный наблюдатель А. Левочский в письме к В.И. Шемякину от 3 сентября 1900 г. прямо указал на эту зависимость. Осенью 1899 г. ему начали поступать сведения от уездных наблюдателей о том, что «духовенство стало слабее смотреть на школьное дело, чем раньше, стало уменьшать свои труды и заботы по школам и даже прямо манкировать ими». Причиной этому послужили выводы, сделанные духовенством по итогам поездки епископа Георгия (Орлова) по епархии летом 1899 г. о том, что «новый архиерей мало обращает внимания на школы, не придает им значения и что, стало быть, можно ими не заниматься». А Левочский доложил об этом епископу Георгию (Орлову). И с удовлетворением заканчивает он свое письмо к В.И.Шемякину: «со всех сторон мне сообщают, что в нынешнюю поездку [август 1900 г. – К.К.] он очень строго относится к школам и весьма строго взыскивает за них.... А это сразу отозвалось благоприятным для школы эхом по всей епархии на радость церковно-школьных радетелей» (17).

Аналогичные наблюдения приводит В.Т.Георгиевский в цитирувавшемся выше отчете, указывая, что, в общем, отношение к церковным школам духовенства «доброжелательное и усердное за немногим и редким исключением», он особо подчеркивает, что «это, прежде всего, зависело от общего среди духовенства осознания важности церковно-школьного воспитания детей в приходах и от ревности целого ряда Владык Курских (Иустин [Охотин (1893 – 1898) – К.К.], Лаврентий [Некрасов (1898 – 1904) – К.К.]». Характеризуя отношения архиепископа Стефана (Архангельского) (1911 – 1914) к церковным школам, В.Т.Георгиевский указывает, что он «с самых первых дней прибытия своего в Курск, целым рядом своих мероприятий показавший, что усердие в церковно-школьном деле в духовенстве он будет ценить особенно и нерадение не потерпит» (18).

Еще одним мотивом церковно-школьной деятельности духовенства современники считали честолюбивые амбиции священников, стремивших-

ся быть отмеченным архиереем. По мнению И. П. Сахарова, «духовенство заботилось больше не об успехах школьного дела, а о полноте клировых ведомостей» (19). Е.Д. Максимов, учительствовавший в начале 1880-х годов в с. Княжево Суджанского уезда Курской губернии, вспоминал о священнике А. Колинском, по инициативе которого в селе была открыта школа, любившем говорить: «Так и в школе моя корысть не мала». «Корысть эта, – продолжает Е.Д.Максимов, – как оказывалось, заключалась в законоучительском вознаграждении, в большом внимании со стороны владыки и епархиальных властей к священникам, открывающим школы, а также в «доброхотных приношениях» родителей обучающихся детей» (20).

Но при этом, существовала определенная категория духовенства, не желавшая заниматься вопросами организации образовательной деятельности церковно-приходских школ. Причинами нежелания священников создавать школы, по мнению Н.В. Елагина, являлись занятость требоисполнениями, неоплачиваемость труда и даже «отсутствие канонических понятий» (21). Учительница Ломовской церковно-приходской школы Г. Котлярова в своем заявлении в Землянское уездное отделение Воронежского епархиального училищного совета от 21 декабря 1900 г. рисует такую картину: «Батюшка ходит в школу в полушубке и в шубе. Стану говорить ему, чтобы он велел сторожу топить лучше, а он уверяет, что жарко, что не может заниматься в школе более продолжительное время, что тут невыносимая жара. А то принесет градусник, чтобы узнать сколько тепла. Окажется, что всего 10-11° С. Он опять-таки уверяет, что этого вполне достаточно и даже еще жарко, а сам никогда шубу не снимает». И далее она прямо указывает, что «все эти неудобства легко могут быть устранимы, если бы батюшка захотел отнестись добросовестно к школе» (22).

События, связанные с работой Съезда духовенства Воронежской епархии 10 – 15 февраля 1911 г., казалось бы, делают бессмысленной необходимость обращаться к конкретным примерам, иллюстрирующим отношение духовенства к церковной школе. Созванный по инициативе Воронежского епархиального училищного совета Съезд духовенства в продолжение циркулярного указа Синода от 31 июля 1910 г., изданного по итогам Чрезвычайного собрания 1910 г., должен был рассмотреть ряд вопросов, касающихся финансово-экономического обеспечения церковных школ. Еще до созыва Съезда в «Воронежских епархиальных ведомостях» вышла статья члена Духовной консистории протоирея Алферова, в которой проводилась мысль о том, что церковно-приходские школы передаются Министерству народного просвещения и, следовательно, духовенству не нужно озадачивать себя их проблемами. А на самом Съезде по сообщению «Воронежского телеграфа» (13 февраля 1911 г.) некоторые из депутатов говорили, что «церковные школы реакционные, задерживающие освободительное движение, что лучше передать их в земство, чем помогать – и это говорилось даже самому Владыке Архиепископу» (23).

Съезд отклонил предложения Епархиального училищного совета о дополнительном денежном сборе с церковью и монастырями на церковно-

приходские школы. Ситуация, сложившаяся в Воронежской епархии, обусловила необходимость инспекционной поездки туда наблюдателя церковных школ А.М. Ванчакова, который добился пересмотра принятых на Съезде решений. Причем, председатель Воронежского епархиального училищного совета П.В. Никольский немалую долю ответственности возложил на епископа Воронежского Анастасия (Добрадина), который, по его мнению, своей расплывчатой резолюцией – «Неужели облагать новыми сборами монастыри, которые имеют у себя школы» – на протоколе заседания Духовной консистории от 2 ноября 1910 г., во многом спровоцировал дальнейшее развитие событий. И А.М. Ванчаков, возможно, соглашался с этим мнением, приводя его в своем докладе Училищному совету от 8 октября 1911 г. (24).

Таким образом, перед нами предстает достаточно пестрая картина: многочисленные примеры свидетельствуют, как о наличии искреннего желания духовенства открыть школы, так и об отсутствии оною вовсе. Для разрешения складывающегося противоречия, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на характере церковно-приходских школ. Они являлись образовательными учреждениями, в учебно-воспитательную деятельность которых были заложены цели и задачи как конфессионального, так и общего (начального) образования. Следовательно, осуществление катехизаторской работы через эти школы для духовенства являлось возможностью максимально полно реализовать задачи пастырского служения. Но организация деятельности церковных школ как учебных заведений, обеспечивавших систематическое получение знаний, и, соответственно, являвшихся одновременно и общеобразовательными школами, для духовенства было не всегда посылной задачей. И в ходе подготовительных работ по созыву Чрезвычайного собрания 1898 г. священник Новгородской епархии П.Лавров в письме В.И. Шемякину от 26 июня 1898 г. прямо указал на это: «Сельское духовенство не виновато. Ему приходится иметь дело не с катехизаторским обучением началам веры и нравственности, а с целыми учебными заведениями» (25).

Таким образом, среди духовенства присутствовало осознание необходимости создания церковно-приходских школ. Без всякого сомнения, обучение детей прихожан, да и самих прихожан, основам православного вероучения рассматривалось духовенством как составная часть своего пастырского служения. Трудности же, которыми сопровождалось организация церковно-приходской школы как начального учебного заведения, являлись основой для складывания индифферентного отношения священников к школе.

Примечания

1. Никольский П. Церковно-приходские школы Воронежской епархии с 1884 г. // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 16. ч. неоф. С. 753–758.
2. А.Т. Церковная школа в Орловской епархии. 1885 – 1895 // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 5. ч. неоф. С. 266–267.
3. Васильев В. Сведения о церковных школах по Бобровскому уезду за 25-летний период времени их существования (1884 – 1909). Бобров, 1909. С. 26 – 27.
4. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Курской епархии за 1889 – 1890гг. Курск, 1891. С. 85–86.
5. См.: Громачевский А. Практические задачи деятельности сельского православного духовенства. СПб., 1890. С. 54; Калачинский П. Сельский пастырь, как законоучитель церковно-приходской школы и заведывающий ею. Киев, 1897. С. 2.

6. РГИА. Ф. 803. Оп.3. Д.1723. Л.94.
7. См.: Куллетский М. Церковно-религиозная жизнь в России//Церковные ведомости. 1900. № 6. Прибавл. С. 229–234.
8. Журнал заседаний Воронежского епархиального училищного совета 23 мая, 19 июня 1886 г.// Воронежские епархиальные ведомости. 1886. № 14. ч. оф. С. 568.
9. ГАВО. Ф. 70. Оп. 1. Д.3. Л.91.
10. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 86. ЛЛ. 291 об. – 292 об.
11. Орловская епархия в 1906 – 1908 гг. при Пресвященнейшем епископе Серафиме (Чичигове). Кишинев, 1914. С. 130.
12. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 122. Л. 58.
13. Там же. Оп. 3. Д. 1723. Л. 132 об.
14. ГАВО. Ф. 70, Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 207 – 207 об.
15. Никольский П. Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 19. ч. неоф. С.726.
16. А.Т. Церковная школа в Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1902. ч. неоф. №№ 7 – 8. С. 375 – 377.
17. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д.122. ЛЛ. 70 – 70 об.
18. Там же. Оп. 3. Д. 1793. ЛЛ. 123 об., 126 об.
19. Сахаров И.П. Ненормальное состояние современной церковно-народной школы и попытка учащихся раскрепоститься. М., 1906. С. 4.
20. Максимов Е.Д. На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб., 1907. С. 58.
21. Елагин Н.В. Белое духовенство и его «интересы». СПб., 1881. С. 124 – 153.
22. ГАВО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 301 об. – 302 об.
23. РГИА. Ф. 803. Оп. 3. Д.1723. Л. 88.
24. Там же. ЛЛ. 86. об. – 87.
25. Там же. Ф. 802. Оп. 12. Д. 15. Л. 12 об.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НЕПРЕРЫВНОЙ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

**Шатохин Иван Тихонович,
Шатохина Светлана Богдановна**

Белгородский государственный университет,
Белгородский региональный институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки специалистов

В статье рассматривается история создания непрерывной системы повышения квалификации учителей начальной школы в российской провинции на рубеже XIX – XX веков.

Ключевые слова: повышение квалификации, учительство, начальная школа, Н.Ф. Бунаков, В.П.Вахтеров, П.Ф. Кантерев.

The article is dedicated to history of the continuous qualification raising system for elementary school teachers in the Russian provinces on the threshold of the XX cent.

Key words: qualification raising, teaching, elementary school, N.F. Bunakov, V.P. Bakhterov, P.F. Kapterev.